

Олег Усенко,
кандидат исторических наук

КОГДА МОНАРХИ МАРШИРУЮТ *Галерея лжемонархов от Смуты до Павла I **

№ 46. «Император Пётр III, сын Петра II, названный сын императрицы Анны Иоанновны» [1 апреля 1733 – 1/5 марта ? 1734] – Сергей Алексеев сын Владыкин

Первый известный нам лжемонарх-офицер был российским подданным, православным и, видимо, русским. Родился он примерно между 1705 и 1710 годами в Москве. Его семья жила «в Белом городе между Тверской и Никицкой улиц в приходе у церкви Воскресения Христова, что словёт на Успенском врашке, в своём дворе». О матери будущего самозванца ничего не известно. Отец же – Алексей Андреев сын Владыкин (1678 – после 1750), дворянин, довольно крупный чиновник: он с марта 1718 года заведовал имуществом Патриаршего дома, потом был членом Коллегии экономии, Камер-коллегии и руководителем Поташной конторы. Не исключено, что у него были сыновья и помимо Сергея, а именно капитан (1749) и поэт Иван Владыкин, а также генерал-майор (1767) Андреян Владыкин.

До 1725 года Сергей «жил при оном отце своём и учился в Немецкой слободе латинскому и немецкому языкам». Изучал он и греческий, правда, без особого успеха. В ходе обучения он лично познакомился с шелепами – кнутами, которые тогда применялись для наказания школьников и людей, нарушивших духовные заповеди. «А в 725-м де году в Санкт-Питербурхе из Военной коллегии определён он, Сергей, лейб-гвардии в Семёновской полк в салдаты...» Переезд в Петербург и поступление в элитную часть наверняка помогли ему завести полезные знакомства при дворе и в среде столичного дворянства. Судя по всему, его приятелем стал Иван Алексеевич Балакирев – прапорщик Преображенского полка, известный весельчак, ставший придворным шутком.

20 мая 1727 года Владыкин был назначен в прапорщиком Ревельский драгунский полк. «А в 728-м году сентября 3 числа пожалован он в Кавалергардской корпус¹ кавалергардом в поруческом ранге...» Это говорит о том, что наш герой был высок, статен и недурён собой. Ему улыбнулась удача: отныне он был при дворе, а кроме того, его сослуживцами являлись высшие сановники (А. Д. Меншиков, А. И. Шаховской) и отпрыски аристократических фамилий – Бутурлиных, Бярятинских, Волконских, Трубецких, Тургеневых. Можно полагать, что Сергей был представлен (возможно, благодаря отцу) важному вельможе Семёну Андреевичу Салтыкову, который как начальник Тайной конторы потом руководил следствием по делу нашего героя. Однако 23 августа 1730 года Сергей был исключён из кавалергардов. Вероятно, он в чём-то провинился. Если его уличили в «буйстве», то виной тому могла быть начинавшаяся у него душевная болезнь. Он получил звание армейского капитана и был «определён... в дворяне посол[ь]ства», которое отправлялось в Персию для заключения договора о судьбе прикаспийских провинций России. Руководителем посольства был знаменитый дипломат Пётр Павлович Шафиров, с которым Сергей, по всей видимости, потом сблизился (или они уже были знакомы ранее).

30 августа делегация выехала в Астрахань. Там Владыкин стал свидетелем землетрясения 10 февраля 1731 года. Когда посольство оказалось в Ряще (Реште) – главном городе прикаспийской области Гилян, ранее персидской, а ныне российской, – то тамошний управитель генерал Василий Яковлевич Левашов² назначил Сергея в Зинзилинский пехотный полк. Этот полк был частью Низового корпуса³ и обозначался по Зинзилинскому заливу на западном побережье Каспия, в 10 верстах от Решта. Мы не знаем, насколько тяжкой была

новая служба для Владыкина, известно только, что зла на Левашова Сергей не держал, весьма уважал его и довольно скоро вернулся в Петербург.

21 января 1732 года был подписан Рештский договор: Персия получала обратно свои прикаспийские провинции – Гилян, Мазендеран и Астрабад, а границу с Россией отныне обозначала река Нура. Взамен Россия обретала право беспошлинной и транзитной торговли в державе шаха. Кроме того, обе стороны заключили военный союз против Османской империи. В феврале Владыкин покинул Гилян: «... из Ряща послан он, Сергей, помянутого генерала и кавалера Левашова з генерал с адъютантом Иваном Тютчевым с трактатом в Санкт-Питербурх ко двору Ея Императорского величества...» Судя по всему, на прощание Шафиров подарил ему кафтан. Однако в пути Сергей простыл и, дабы излечиться, вельможный дар «проел на просвирах – отдал чудотворцу Николаю за то, что... с насморком-та приехал». За доставку столь важного договора Владыкин 28 апреля «по всемилостивейшему Ея Императорского величества изуственному указу» был награждён майорским чином. Пару месяцев он, видимо, потратил на оформление соответствующего «патента» (удостоверения) и на получение надлежащей должности в армии. «И по определению Военной коллегии велено ему быть в Персицком корпусе. И из оной коллегии отпущен он в дом ево на полгода, а имянно генваря до 1 числа 733 году...»

Живя в столице, Владыкин вновь окунулся в круговорот политических событий, придворных интриг и карьерных историй. Судя по всему, кроме симпатии к Салтыкову и Шафинову он испытывал позитивное уважение к Андрею Ивановичу Ушакову – начальнику Тайной канцелярии, внушавшему многим людям страх. Негативные чувства у него вызывали, во-первых, два немца, занявшие высокое положение при дворе, – Андрей Иванович Остерман и далеко не выдающийся военачальник, но опытный интриган принц Людвиг Гессен-Гомбургский. Во-вторых, Владыкин почему-то был настроен против генерал-фельдмаршала Василия Владимировича Долгорукова и его родственников – «сонмища иудейского 23 плутов Долгоруких» (попавших, кстати, в опалу при Анне Иоанновне). Наконец, одиозной фигурой для Сергея был «косой Фетка Наумов» – Фёдор Васильевич Наумов, тайный советник, впоследствии сенатор, который упал в глазах Владыкина из-за «купленной ленты» (согласно молве, Наумов добился ордена не заслугами, а деньгами).

С июля 1732 года Сергей жил в Москве «в доме своём». 24 декабря от принца Гессен-Гомбургского, нового командира Персидского корпуса, он получил

* Продолжение. Начало см.: Родина. 2006. № 6–10, 12; 2007. № 1–3, 5, 7, 9–11; 2008. № 1.

[с. 45]

«ордер, по которому велено ему ехать в Переславль-Рязанской в каманду подполковника Гаврила Шерца и итить с ним в Низовой корпус. И по тому ордеру он, Сергей, в Переславль-Рязанской приехал и оному подполковнику Шерцу явился марта 4 числа 733 году. И жил в Переславле-Рязанском на квартире – дожидались полой воды». Тот факт, что от Москвы до современной Рязани Владыкин добирался более двух месяцев, наводит на мысль: а не пытался ли он уклониться от поездки на Каспий – получить новое назначение или хотя бы отсрочку? Как бы то ни было, к месту сбора он ехал со свитой из его «людей» (крепостных крестьян): «хлопец» Григорий Кондратьев служил денщиком, а двое других (Буерай и Николай), вероятно, были провожатыми на подводах.

Вряд ли молодой майор бедствовал. В письме Балакиреву от 31 марта 1733 года он хвастался: «А знаеш, што – хожу в знаке, в шарфе⁴, в серебряном камзоле⁵, патент на столе лежит, а шпажка – тпрусяго» (то есть: «Ого-го! Стой и смотри!» – О. У.). С другой стороны, Сергей потратился на роскошный камзол и в данный момент нуждался в деньгах. Этим, видимо, и объясняется приписка на обороте указанного письма: «Всемилоостивейшая

Государыня матушка, помилуй бедного, сирого, не имеющего помощи! ... Пришли, матушка, триста рублёв – я свету [в] полатку (свечей для освещения комнаты. – *О. У.*) куплю». Впрочем, Сергей был и зол на царицу. В черновом письме к ней того же числа он записал: «А за милость твою, что в Переславль-Рязанской приехал, матюков тебе, матушка, загнул много – прости меня, свет мой, ин я тебе не верен, толко было голову потерял».

И впрямь он потерял голову. Он рассорился с верхушкой местного чиновничества и духовенства. Тамошний воевода Лука Плохово оказался его старым знакомцем – бывшим кавалергардом. Однако это не помешало Сергею зачислить воеводу в «изменники» и заключить, что тот «плох и глуп, да к тому ж сукин сын и злодей». Кроме того, будущего самозванца обидели местные «секретари» Афанасий Кульбицкий и Аммос Зинбулатов. В упоминавшемся письме Балакиреву Сергей написал: «А секретарь Аммос дал было мне вигу в нос... Девка, брат, у нево падчерица – так на диковенку. Спесив таков, я же излиха глуп». Дело в том, что Владыкин успел влюбиться в Авдотью, падчерицу Зинбулатова, и даже посвататься к ней. Всё в том же письме он сообщал, что 30 марта «на Авдотье Артамоновне чють не женился, без головы было повалился» и что «дал Матушки Небесной слова, что мне кроме не женитца Артамоновны». Владыкин планировал пожаловаться императрице на епископа Рязанского и Муромского Лаврентия Горку («на первого плута и изменника, не на архиерея, но на Июду, лстеца Ларку»), и на Ануфрия, архимандрита Рязанского Спасского монастыря, на Ненилу (Неониллу), игуменью Рязанского Казанского монастыря, и даже «на дву келейников архи[ерея] Июды Ларки и на дву малчиков».

У майора началась мания преследования. Он стал бояться многих офицеров и солдат его же «команды». 31 марта Владыкин по приказу Шерца был арестован «за преслушание команды и многие продерзости, яко безумный». У Сергея отобрали шпагу; в квартиру, которую он снимал, были поставлены двое часовых, а ещё 15 солдат дежурили у дома.

О том, что же стало причиной такого поворота событий, позволяют судить черновые письма к царице, написанные Владыкиным 31 марта уже под караулом. В одном наброске он доносил: «Сергей Владыкин в каманде указом Вашего Императорского величества приказал, чтоб ко мне, кроме трёх прапорщиков добрых людей – Неболсина, Черкашенинова, Змеева, никоно из офицеров не пушать, а ружью быть заряженому. А буде не послушают – после, коли жив буду, донесу. Барабан велел к себе на квартиру принести». В другом черновике (извете) самозванец обращался к царице так: «Всё тебе друшки, а мне было вчерашней день голову, матушка, за тебя срубили. И пожалуй, пришли дохтора – умираю и боюсь: напал страх, и не сплю по ночам и не знаю – они меня не убьют

[с. 46]

ли... Много не пишу – умираю от страха, а шутил бы я, матушка, немало».

Владыкин уже считал себя «императором Петром III», и потому его недруги превратились в «изменников», якобы замышлявших его убить. Соответственно, Сергей начал думать о том, как выйти на свободу и избежать опасности. Он стал уповать на царицу. В указанном черновом извете он просит её: «И красную кавалерию за мою за тебя кровь, пожалуй, сюды пришли – на красных три кавалерии, а мне голубенкую, а не худо – красненкою, за кровь⁶... А баталионы – как наискоряя, а после – музыку, барабаны и прапоры (знамёна. – *О. У.*). А паче всего, свет мой матушка, – добрых кургузых немцов з долгими лопунцами (локонами? – *О. У.*), палачей. И напиши, матушка, мне полную мочь (дай полномочия. – *О. У.*), кому голову отсечь, ково в Москву привезть, ково повесить. А платья годитца после отца моего Петра Второго – гвардии офицерской, да кафтана два понарядней, шпагу строевую, другую – алмазную, шляпу з белым пером, три парика – таких, которые носил Пётр Второй. Пожалуй, всё исполни бес чинов... Пришли, матушка, на лошадях хотя баталион, да денег, палачей». После расправы с «изменниками» Сергей планировал приехать в Москву и там в

присутствии царицы пройти обряд коронации. Затем он собирался уехать в Петербург и править вместе с Анной Иоанновной, начав с наказания вельможных «плутов», которых давно взял на заметку.

Но обо всём этом Владыкин пока никому не сообщил. В окончательном варианте письма к царице преобладает официальный, хотя и сумбурный, стиль. Анна Иоанновна там – «всепресветлейшая державнейшая великая государыня» и «всемиловитейшая Мать Отечества», а сам Владыкин – её «всеподданнейший и верный раб». Сергей просит управы на сослуживца – адъютанта Свободского, а также на фельдмаршала Долгорукова и Наумова.

Будучи под арестом, Сергей 31 марта написал ещё три письма. В «доношении» Салтыкову он жаловался, что «обижен» командиром «яко каналия или бы изменник явны». В послании Балакиреву он поведал о жизни в Переяславле-Рязанском и намекнул о своём самозванстве: «Да матушка – Христос земной – простил, а небесной в тюрьму заключил. Невелика диковенка: Христом земным пошутил – и голову утратил. У земнова-та Христа в родне быть захотел: вздумал я, свинья, а ты, брат Иван, боров, что хорошо с ними знатца». Сергей прямо-таки сыпал прибаутками. Вот как, например, начинается его эпистола: «Брату моему Ивану Алексеевичю пану Балакиреву желаю вчерашняго моего конфекту – си есть многова лета. Чаю бы, матушка, не увидел бы и света. А я, брате, хожу-ста без креста, да верую во Христа. Врёш, чёрт сукин, – не так, как ты думаеш: не в одново, но в двух – в небесного и в земного, потому-то ты, блядин сын, и не бумажен. А буде не вериш, спроси у меня, так ли ты без меня живёш и так ли словёш. А персону твою, а брат, и заочно очень знаю. Хлебаеш ли студень? Буде хлебаеш, так ох, ох! Да третьей другу милому гроб. Да пожалуй, не прогневайся, так мал-ста ни случилось». Вот ещё цитата: «А архиерей здесь – преосвященно[й] архипастырь Горка, а жить при нём горка. Боюсь, брат, смазать Божия слова – шелепугую болшую спину ещё рощешу». Наконец, в письме Шерцу Владыкин возвестил, что уже донёс на него государыне, и ниже «объявил слово и дело» не только за адресатом, но и за архиереем, воеводой и его «секретарями», пятью офицерами «команды» и за своим денщиком. При этом он поручил «город ведать» флотскому поручику Прончищеву и капитану Даниле Алябину (эти двое были из тех немногих членов «команды», которых Сергей не опасался).

Все эти письма Владыкин отправлял (вручал караульным) по мере их написания. Но солдаты передавали их Шерцу. Тот прочёл письма 1 апреля. В тот же день состоялось и «проявление». Это было, по свидетельству караульных, так: «Владыкин во дни в седмом часу сказал за собою слово и дело Государево и называл себя Петром Третьим императором неоднократно. В восмом и девятом часу и другия говорил многия непотребныя слова при часовых салдатах Иване Емельянове, Андрее Ларионове, да при оных же де часовых называл сам себя Богом и царём». Последний эпитет связан с тем, что для Сергея быть монархом значило быть «земным Богом», поэтому вряд ли он повинен в религиозном самозванстве.

Не успели караульные солдаты подать начальству извет, как им пришлось нести ему очередное послание от Сергея. На этот раз он писал Шерцу, «чтоб ево, Владыкина, отпущать по закону ево в церковь». Но вместо храма его ждала тюрьма. Дело его Шерц рассмотрел «при собрании обретающихся в Переславле-Рязанском штап-афицеров» и решил передать самозванца гражданским властям. Утром 2 апреля «царь» передал караульным последнее письмо – к Прончищеву и Алябину. Лжемонарх им объявлял, что пришёл «в целой разум» и просил доставить его в Москву к Салтыкову: «И что случитца мне на дороге, то вам Бог и Государыня и я заплатим. И я во уверение данного мне таланта от Святаго Духа вам объявляю, что волею Всемогущаго и приказом всемиловитейшей моей названной матери и тётки великие Анны императрицы российския и богоданною мне властию жалую Прончищева шаутбенахтом (контр-адмиралом. – *О. У.*), тебя, Данилу Алябина, – полковником и правинции Переславля-Рязанского воеводою. Берегись от лихоимства и не потеряй головы, как протчия потеряют вскоре». Подписана бумага была так: «Во имя Святыя Троицы Божию милостию Пётр Третий, бывший прежде Персидского корпуса ненавидим от злых людей мазор». Поверх письма была приписка: «Аще сие верно учиниш,

то ты, шаутбенахт Прончищев, ещё здравствуй – кавалер Св. Александра, а ты, Алябин, – генерал-маюр. Божию милостию Пётр Третий».

К вечеру 2 апреля 1733 года Владыкин был уже в Переяславль-Рязанской провинциальной канцелярии. В «ропросе» перед воеводой самозванец утверждал, что «слово и дело Государево сказывал и себя Петром Третьим и императором многожды, также и Богом и царём называл во пьянстве и в безумстве ж своём». 6 апреля арестанта представили в Тайную контору в Москве. Но там самозванец остался «не ропрашиван, для того что он явился во иступлении ума и говорил всякие сумозбродные слова». 18 апреля он был «для исправления ума послан в монастырь» – возможно, Знаменский, что в Москве на Варварке.

Примерно 1–5 марта 1734 года Сергея из монастыря вернули в Тайную контору, так как монахи и караульные признали, что он «в уме своём исправен». Владыкин «в ропросе» объявил, что о событиях годичной давности «за приключившимся ему тогда безумием... ничего не помнит». Однако следователи сочли, что он,

[с. 47]

«по-видимому, в совершенное разума своего состояние ещё не пришёл: и, стоя, озирался и задумывался. И для подлинного в уме исправления послан он... для содержания в монастырь же по-прежнему». Таким образом, отказ от мифической ипостаси не помог ему получить свободу.

Но когда-то он был частью высшего общества, и это не прошло даром. К тому же о нём хлопотал отец. Ушаков сообщил о судьбе Сергея царице, и та 18 марта указала «Владыкина из монастыря взять в Преображенск и содержать Тайной канцелярии при канторе во особом на[длежащем] месте под крепким караулом. А как он в совершенной разум придёт, то ево по делу ропросит и писат в Тайную канцелярию немедленно». Уже 25 марта Сергей был «поставлен близ Тайной канторы на квартире». 15 мая он поведал следователям свою биографию и вновь заявил, что о «продерзостях» в Переяславле-Рязанском ничего не помнит. Салтыков отписал в столицу, что «Владыкин ныне, по разговорам кажетца, в разум пришёл». 1 августа «экстракт» из его письма был послан в Петергоф царице. Её новый указ был таким: «Владыкина послат в пристойной монастырь, в котором содержать ево в крепком смотре; бумаги и чернил, писать не давать, покамест в совершенной разум притти и в том надлежаще свидетелствован быть может». 14 августа Сергея отослали в московский Симонов монастырь.

25 сентября 1735 года Ушаков потребовал от Салтыкова справку о состоянии Владыкина. Из ответного письма от 6 ноября он узнал, что монахи Симонова монастыря и караульные солдаты считают своего подопечного пребывающим «в целом уме». Тем не менее лишь через год Сергей обрёл свободу. 3 сентября 1736-го Ушаков подал на высочайшее имя письменное «мнение» с предложением освободить Владыкина и послать в Казань для службы в гарнизоне. В тот же день его предложение было утверждено. 17 сентября Ушаков отправил соответствующее письмо Салтыкову, и вскоре Владыкин был отослан в контору Военной коллегии, а оттуда вернулся в дом, где родился. Но очень скоро он вновь потерял свободу. 3 октября его дядя, майор Яков Боев, донёс в Тайную контору, что племянник «людей бьёт и посуду и окончины все перебил». Сергея посадили под арест в его же доме, при этом караульные «доносили, что оной Владыкин сумозбродничает и брасаетца на всех бить [и одного из] караулных, ухватя, давил за горло и ру[баху раз]одрал». 10 или 11 ноября он был послан в московский Донской монастырь, где выпускать его из кельи можно было только в церковь.

В августе 1740-го отец нашего героя возобновил хлопоты о нём, прося освободить сына и послать премьер-майором в Казань для гарнизонной службы. 27 ноября Ушаков запросил справку о состоянии Сергея. Узнав, что монахи Донского монастыря и караульные солдаты

находят Владыкина «в целом уме», глава Тайной канцелярии 5 января 1741 года повелел его «ис-под ареста учинить свободна». Больше о Сергее ничего не известно. Может, майор и впрямь вернулся в армию?

Источники

РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 367. Ч. 1. Л. 72–143; Ф. 349. Оп. 1. Д. 314; Д. 457. Л. 39–39 об.; Д. 520.

№ 47. «Царь» («Пётр I»? «Пётр II»?) [апрель 1733/сентябрь 1735 ? – после июля 1736] – Пётр Петраков

Сей лжемонарх был российским подданным и православным. О его национальности, месте рождения и социальном происхождении данных нет. О его родных и близких тоже ничего не известно. Можно лишь полагать, что отца его звали Петром, если, конечно, прозвище самозванца образовано от имени родителя. Можно также предполагать, что на свет будущий самозванец появился между 1690 и 1700 годами.

Когда ему было лет 18–20, его забрали в солдаты. Если Петраков не менял места службы – Черниговский пехотный полк, то он мог быть участником военных конфликтов (если не всех, то некоторых). Во-первых, не исключено его участие в Полтавской битве в июле 1709 года. К этой великой победе был причастен и Черниговский пехотный полк. Во-вторых, этот полк воевал с турками (Прутский поход 1711 года). В-третьих, Черниговский полк в 1711–1716 годах действовал в Померании на оккупированных шведами северогерманских землях, – в частности, под Штетинем и Висмаром, а также у берегов Дании под Копенгагеном.

Весной 1712 года российские войска под командованием Меншикова приступили к Штетину (Шецину), капитулировавшему в сентябре того же года. В конце 1713 года Меншиков двинулся к российской границе, а в Померании осталось лишь около 6000 русских воинов. Среди оставшихся был, видимо, и Черниговский полк. В 1714–1715 годах русские войска стояли у Данцига (Гданьска) и в Польше.

В начале 1716-го Пётр I приказал Н. И. Репнину идти из Данцига к Висмару с четырьмя пехотными полками, включая Черниговский, и пятью сотнями драгун для помощи союзникам, осаждавшим эту крепость. Пруссаки, ганноверцы и датчане безуспешно пытались взять Висмар уже более трёх лет. По брачному же договору Петра I с мекленбургским герцогом Карлом-Леопольдом от 22 января 1716 года последний, женись на царской племяннице Екатерине Ивановне, должен был получить Висмар в качестве приданого. 1 апреля российские полки подошли к осаждённой крепости, а уже 4 апреля она сдалась. Правда, представители России не были допущены к приёму капитуляции, а Репнин был вынужден повернуть назад.

В конце мая 1716 года Пётр I договорился с королями Пруссии и Дании о высадке 24-тысячной российской армии на побережье Швеции под прикрытием английской эскадры. Но сначала будущий десант нужно было переправить из Ростока в Данию – под Копенгаген. Переправа туда царских войск (в их числе был и Черниговский полк) началась в конце

[с. 48]

июня. 6 июля царь с галерной эскадрой уже был у Копенгагена. Но по вине союзников десант был полностью перевезён лишь в сентябре, когда шведы уже подготовились к его отражению. Поэтому в октябре царские войска начали возвращаться в Росток. Б. П. Шереметеву было указано с пехотой расположиться на зимних квартирах в Мекленбурге, из кавалерии же оставить здесь только один полк, а прочих отправить на зимние квартиры в

Польшу. В 1717 году российские войска покинули Мекленбург. Часть их перебросили из Ростока в Ревель, где началась подготовка к новому десанту на берега Швеции.

Уже при Анне Иоанновне Черниговский пехотный полк был на «войне за польское наследство». После смерти Августа II польским королём стал Станислав Лещинский, кандидатуру которого поддерживала Франция – соперник России. 31 июля 1733 года российское войско под командованием П. П. Ласси перешло границу Речи Посполитой. Были захвачены Литва и Курляндия, а в конце сентября Ласси подошёл к Варшаве. Лещинский бежал в Гданьск (Данциг), и покинутую им столицу заняли россияне. Польским королём был объявлен Август III, сын умершего монарха. В декабре Ласси, оставив в городе несколько полков, двинулся на Гданьск. Одновременно из Украины в Польшу направился ещё один корпус. В феврале 1734-го российское войско приступило к осаде Гданьска. 5 марта Ласси был заменён фельдмаршалом Минихом. Пока тот пытался взять крепость, французский флот вошёл в Балтийское море, дабы прервать сообщение между Россией и осадной армией. В устье Вислы был высажен французский десант, но 17 июня русские войска заставили его капитулировать. Вскоре Лещинский бежал из Гданьска, и 8 июля город сдался.

Наконец, Черниговский пехотный полк в августе – октябре 1735 года был участником неудачного Крымского похода. Против турок были посланы войска, находившиеся в Польше. Взятый над ними командование Миних начал поход после того, как 23 июля получил грамоту из Петербурга, что ему поручено осенью предпринять осаду Азова и посему он должен прямо из Польши идти к Дону.

К сожалению, мы точно не знаем, где в то время располагался полк – в Польше или на Украине. Соответственно, не знаем и того, где именно Петраков перевоплотился в «царя». Можно лишь примерно датировать его «проявление» – не ранее апреля 1733 и не позже сентября 1735 года. Известно, что Петраков «заболел, и в той болезни стал быть в безумии, и называл себя царём», что за это он был задержан представителями Первого Московского пехотного полка, но и после этого произносил «всякия непристойныя слова».

Видимо, когда наш герой заболел, его полк был на марше, посему Петра оставили поправляться – вероятно, в походном лазарете. Это объясняет, почему под караул его взяли представители иной воинской части. Видимо, свидетели «проявления» (больные солдаты и лекари) спешили донести о государственном преступлении, поэтому не стали тратить время на оповещение непосредственного начальства самозванца. Не исключено, что одним из факторов самозванства было совпадение имени Петракова с именами членов российской правящей фамилии – Петра I, а также его сына, умершего в 1719-м, и внука, умершего в 1730-м (Петра II).

Самозванца вместе с «доношением Первого Московского полку поручика Савы Кокорева» переправили в Москву – в Тайную кантору. Перед лицом начальника этого учреждения Семёном Андреевичем Салтыковым арестанта «расспросили», однако лжецарь «явился во изступлении ума, и о чём спрашиван, того по-надлежащему не отвечивал, а говорил всякия сумозбродные слова, которых ни к какому действию принять и записать было невозможно». В результате Петраков «по определению Тайной канторы послан был для исправления ума в монастырь» (в какой – сведений нет; вероятно, в пределах Московской губернии).

В июне 1736-го самозванца из монастыря прислали в Синодальную канцелярию в Москве, а оттуда – опять в Тайную кантору. «А в ведении из Синодальной канцелярии показано, что оной Петраков генваря с 1 числа сего 1736 году в уме исправился: и в церковь ходил по вся дни, и в задержании (содержании. – *О. У.*) никакова дурна над собою и над другими не чинивал». Однако эту характеристику сочли неверной: «А в Тайной канторе в доношении караульного капитана показано, что оной Петраков в безумии поёт всякия непотребныя песни, и кричит, и другим своей братье колодником не даёт молитца Богу, и бывает всегда в том сумозбродстве. И оной Петраков в Тайной канторе роспрашиван и при роспросе явился во изступлении ж ума». Примерно в июле 1736-го следствие закончилось: «И по определению

Тайной канторы велено оного Петракова послать в монастырь для содержания до указу по-прежнему».

Вероятно, Пётр так и не отказался от мифической ипостаси и дни свои окончил в монастырском заключении.

Источники

РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 272. Ч. 10. Л. 221–221 об.

Примечания

¹ Кавалергардский корпус – почётный конвой монарха – был создан в 1726 г. и упразднён в 1731-м; рядовыми (кавалергардами) в нём числились офицеры, а начальником (капитаном) – лично монарх.

² Левашов (Левашёв) (1667–1751) – прославленный военачальник; в 1726–1741 гг. с небольшими перерывами командовал Низовым корпусом; до 1734 г. фактически управлял персидскими владениями России.

³ Низовой корпус был создан в 1711 г. для войны с турками, потом охранял южные рубежи России и участвовал в русско-персидской войне 1722–1734 гг.

⁴ С конца 1731 г. офицеры «в строю» носили нагрудный знак отличия и шарф.

⁵ Военная коллегия 30 ноября 1727 г. постановила, чтобы у армейских офицеров кафтан и штаны были зелёные, камзол и кафтанные обшлага красные. Но разнобой в цветах офицерских мундиров сохранялся ещё в начале царствования Анны Иоанновны.

⁶ Кавалерия – в просторечии орденский знак. Красной была лента ордена Александра Невского; на голубой ленте носили знак ордена Андрея Первозванного.

[с. 49]
